

Список литературы

1. **Абишева А. К.** О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. № 3.
2. **Гришаева Л. И., Цурикова Л. В.** Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. 369 с.
3. **Капоте Т.** Луговая арфа. СПб.: Азбука, 2011. 192 с.
4. **Колс Л. Р.** Ценности, которыми живут американцы. М., 1984. 6 с.
5. **Маслова В. А.** Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
6. **Попова М. К.** Американский прагматизм и русский характер сквозь призму литературных героев // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: в 2-х ч. / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. Вып. 6. Ч. 2. С. 257-279.
7. **Рокич М.** Верования, отношения, ценности. М., 1968.
8. **Савельева И. М., Полетаев А. В.** Опросы общественного мнения США: что думают американцы о религии, политике, морали, правах и свободах, технических новшествах // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 1 (81). С. 122-136.
9. **Тер-Минасова С. Г.** Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
10. **Щепотина Е. В.** Исследование концептов FREEDOM, LAW, СВОБОДА, ЗАКОН в английской и русской лингвокультурах // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. научн. трудов. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2006. Вып. 4. С. 51-59.
11. **Carote T.** The Grass Harp. Breakfast at Tiffany's. М.: Прогресс, 1974. 226 p.
12. **Hall E.** Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. Yarmouth: Intercultural Press, 1990.

AMERICANS' VALUES IN TERMS OF TRANSLATION**Yuliya Aleksandrovna Barbasheva***Department of Translation and Intercultural Communication**Kursk State University**julia_barbasheva@mail.ru*

The author reveals the content of the notion "national cultural value" in terms of cultural linguistics and translation studies, considers literary text as a way of national-cultural values fixation, and researches the problems of translation related to the transmission of national-cultural values reflected in the text of the original.

Key words and phrases: culture; linguoculture; national-cultural values; value approach; literary text; translation.

УДК 821.111

Филологические науки

Статья посвящена анализу цикла сонетов «Amoretti» поэта-елизаветинца Эдмунда Спенсера. Автор статьи рассматривает цикл как произведение, соединившее идеалы позднего гуманизма и стилистические тенденции метафизики. В статье исследуются особенности поэтического текста и признаки (драматичность ситуации, напряжение чувств, метафоризация, концепция времени, контраст «любви возвышенной» и «любви земной»), которые дают возможность идентифицировать метафизическое мировоззрение поэта.

Ключевые слова и фразы: Эдмунд Спенсер; метафизический стиль; поэты-елизаветинцы; цикл сонетов «Amoretti»; метафизический образ; мировоззрение.

Инна Сергеевна Белоконенко*Кафедра зарубежной литературы**Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара, Украина**ludmila1020@yandex.ru***МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ В ЦИКЛЕ «AMORETTI» Э. СПЕНСЕРА©**

Метафизический стиль преобладал в английской литературе в начале XVII века. Принято считать, что английская метафизическая поэзия обязана своим возникновением творчеству Дж. Донна. Но в исследованиях последних лет все чаще звучит мысль о том, что его зарождение относится к последней трети XVI века (Л. В. Егорова, Е. А. Иконникова, Е. М. Луценко и др.) [1-3]. Именно последняя треть XVI века была особым временем, соединившим в единое целое разные тенденции и явления, понятия и стили. Благодаря этим процессам и возникла особая культурная среда, открывшая путь для метафизического стиля. Данная статья рассматривает возможность говорить об английском поэте-елизаветинце Эдмунде Спенсере (1552–1599) как о художнике слова, в творчестве которого присутствуют черты метафизического мироощущения. Приняв

сонетный цикл «Amoretti» в качестве первоисточника метафизической образности, определяем нашей целью: показать, как метафизический кругозор поэта сформировал текст, и какие философские идеи находят свое отражение в цикле, определяя его установку на метафизику. Под метафизическим текстом подразумевается философская поэзия, которая выходит за пределы «физического» познания мира и связана с умозрительными поисками источника Бытия, с размышлениями над проблемой утраты целостности мироздания. Основной чертой метафизического текста выступает стремление к восстановлению связи между земным и небесным, материальным и идеальным [2, с. 16–17].

Любовный цикл «Amoretti» (1595) по внутреннему состоянию соответствует идеалам Ренессанса, построен на симметрии и уравновешенности. В нем есть типизированные образы, идеализируется и унифицируется красота. Можно говорить о системности художественного мира цикла, но все же образы лирических героев сонетов уникальны именно из-за того, что за ними стоят реальные люди в реальной жизненной ситуации. Чувства лирического героя и Леди изысканно красивы в нарочито усложненном и замысловатом мире. В цикле прослеживается лирическая интенсивность поэзии, которая устремлена вовнутрь чувственных переживаний. Метафизическая ситуация выступает у поэта как личная и обыденная. Он ищет в сонетах словесный эквивалент для адекватного выражения своего чувства: *Leaves, lines, and rymes, seeke her to please alone* [4, I: 13] (*здесь и далее римскими цифрами обозначен номер сонета, арабскими – номер строки*). Спенсер опирается на идеи неоплатонизма, прославляя любовь как путь к истинной свободе и вечности. Именно авторское видение любви в цикле «Amoretti» стало его основной отличительной чертой, в сравнении с другими ренессансными сонетными циклами. Как поэт с метафизическим мировосприятием, он «уравновешивает две силы» (термин Т. Элиота), обращаясь к античным традициям, но стремится к новому, пребывает в мечтах.

Автор хочет познавать мир, но не только путем логических построений и чувствами: он искренне исповедуется читателям в том, что было спрятано глубоко в душе. Так, в сонетах (VI, XI, XII, XVIII, XX и др.) присутствует описание боли и отчаяния от того, что Леди холодна. В размышлениях о происходящем поэт меняет свое восприятие ситуации и понимает, что любви Леди нельзя просто желать, ее можно заслужить: *Only my pains will be the more to get her, / But having her, my joy will be the greater* [Ibidem, LI: 13–14]. Тема тоски и боли вводится как средство придания глубины образам поэмы. Этот художественный прием направлен на активизацию читателя на основной тональности сонетов – «любовь», «жизнь» и «время»: *Make haste therefore sweet love, whilst it is prime, / For none can call again the passed time* [Ibidem, LXX: 13–14]. Печальные размышления нужны автору для создания поэтического контраста. Введение темы бренности жизни позволяет оттенить изящную красоту счастливого момента воссоединения с любимой. А противопоставление несправедливости мира только подтверждает безжалостный поток неумолимого времени, дающего шанс на счастье лишь тому, кто его достоин: *All this world's glory seemeth vain to me, / And all their shows but shadows, saving she* [Ibidem, XXXV: 13–14]. В таком контексте коллизия «времени» и «любви» обретает вневременной статус, поскольку происходит в условном времени. Автор оценивает любовь как животворящую силу, которая мобилизует все возможности человека и не подвластна бренности жизни.

Метафизическое мироощущение поэта выявляет его стремление к изображению субъективной стороны жизни, некой личной идеи, осложненной в сознании художника. Композиционный прием ведения повествования от имени лирического героя выполняет функцию придания убедительности всей истории. И авторская вера в любовь является важным аргументом в пользу справедливости всего сказанного: *Yet in my heart I then both speak and write / The wonder that my wit cannot endite* [Ibidem, III: 13–14]. В поэтическом полотне цикла, как художественно-эстетической системе, прослеживается образная совокупность, которая характеризуется чувственной, интеллектуальной и художественной красотой. Поэзии цикла отличаются широким применением готовых форм и символов, используют различные стилистические приемы, не пренебрегают «правилами» античного классического искусства. Для создания лирической интенсивности своих стихов, основанных на переживаниях, поэт использует необычные образы-метафоры, способные найти сходство в чем-то особенном: *virtue weak, licentious bliss, idol of my thought, her bloody hands them slay* и др.

Циклу «Amoretti» свойственна корреляция духовного и чувственного. В сонетах авторская позиция связана с рецепцией петраркизма, но Э. Спенсер видит свое предназначение в том, чтобы представить новую философию любви, рассматривая ее в единстве духовной и плотской составляющих и полагая брак непременным условием ее реализации. Мотив жестокости красавицы и страдания героя от безответной любви, образ «женщины-воина», побеждающей мужчину (*All pain hath end and every war hath peace, / But mine no price nor prayer may surcease* [Ibidem, XI: 13–14]) – элементы системы петраркизма. Но оказавшись в контексте метафизического мироощущения Э. Спенсера, они приобретают измененное звучание. Поэт использует их в качестве исходной точки для создания собственных поэтических решений и выносит на первый план взаимность и счастье. Само соположение «герой – Леди» является внешним отражением темы метафизического единства влюбленных. Для них счастье – это любовь, которая возможна именно при духовном и плотском единении. Отражением темы метафизического единства влюбленных является соотносительность образов цикла в определенных парадигмах. Леди может ассоциироваться с «божеством, святой, ангелом, небесным светом»: *Then to the Maker selfe they likest be, / Whose light doth lighten all that here we see* [Ibidem, IX: 13–14]; *For my sweet Saint some service fit will find* [Ibidem, XXI: 4]; и одновременно с «воином, зверем, тиранкой, мучительницей»: *See how the Tyranness doth joy to see / The huge massacres which her eyes do make* [Ibidem, XX: 5–6]. Эта парадигма соответствует дуализму восприятия Леди, который раскрывает главную причину драматического

конфликта. Стилистическим приемом, позволяющим автору подчеркнуть условность художественной реальности сонетов, является применение особых речевых конструкций (например, представление Леди в образе кровожадного «зверя», «мучительницы»). Однако, несмотря на подчеркнутую самим автором условность изображенной им картины, в ней есть какая-то неоспоримая убедительность. Ведь именно таким «жестоким» отношением к герою Леди стимулировала его духовное развитие.

Парадигма образов «Леди – другое существо» и «Леди – другой объект природы» сравнивает ее с образами животных, птиц, природных сущностей и может иметь различный подтекст: использоваться для сопоставления (лед – огонь: *My love is like to ice, and I to fire* [Ibidem, XXX: 1]), символизировать бессмертную духовно-чувственную любовь (голубь – голубка: *Like as the culver on the bared bough, / Sits mourning for the absence of her mate* [Ibidem, LXXXIX: 1–2]), иметь эротический подтекст (*Me seemed I smelled a garden of sweet flowers* [Ibidem, LXIV: 2], где цветок – символ невинности; *Her goodly bosom like a strawberry bed* [Ibidem, LXIV: 9] с уподоблением груди (лона) Леди сладкому и мягкому ложу из клубники – символ желанной женщины; сравнение груди Леди с лилиями: *Her breast like Lillies, ere their leaves be shed* [Ibidem, LXIV: 11]). Бесспорно, образ Леди метафизичен: он имеет мифологическую и эротическую сущность, обожествляется и развенчивается, «разъединяется» в мир идеальный и мир земной. Парадигмы образов Леди выступают как бинарные оппозиции (тиранка/ангел, земная/небесная, воительница/дева, жестокость/красота). Такое сочетание противоречащих друг другу позиций и положений в цикле, а иногда и в рамках одного сонета, свидетельствует об измененном мироощущении автора.

В цикле определяется и двойная композиция. Действием событийным в данном случае является сетование и вразумление Леди, а сюжет представляет собой сам процесс влияния лирического героя на нее. Но параллельно с этой темой в сонетах возникает другая тема, которая может быть названа «поисками утраченного рая» из-за холодности и недоступности Леди. Образ «утраченного рая» не случайно помещен в метафизическое пространство, это воспринимается как символ того, что «раю» не место в физическом мире. Идея «неземного рая» получает воплощение в парадигме образов «небесной», «божественной» Леди. Так поэт старается найти верное направление для выражения своих представлений о путях совершенствования мира, но из сонета в сонет отвлекается от изначальной темы разговора и снова погружается в тему поиска и обретения гармонии, которая постепенно приобретает самостоятельность звучания и формирует второй смысловой центр: *All this world's glory seemeth vain to me, / And all their shows but shadows, saving she* [Ibidem, XXXV: 13–14]. Все, что было в физическом времени между этими моментами, «пропадает» в пространстве строк. Поэтому время повествования измеряется важностью событий, а не их длительностью.

Метафизическому стилю не чужды печальные размышления над старением. Мысли поэта о времени, изменчивости красоты женщины (сонеты XIII, XXX, XXXI, LXX) имеют логический вывод: «Леди – божество», но Леди и смертная женщина, и земные законы не обойдут ее. Поэт неоднократно напоминает возлюбленной о том, что время нельзя терять: *But joyous hours do fly away too fast* [Ibidem, LXXXVII: 14]. Порой этот призыв звучит трагически: *Her mind remembreth her mortality* [Ibidem, XIII: 7], порой меланхолично: *For none can call again the passed time* [Ibidem, LXX: 14]. На языковом уровне концепция времени и неизбежности перехода в потусторонний мир создана минимальными средствами. Этот образ получает художественную убедительность не столько за счет словесной реализации, сколько за счет окружающего ее ассоциативного поля, что является следствием пророческого способа художественного самовыражения поэта. Любовь в «Amoretti» является «выбором» высших сил, она не ограничена ни эстетическими, ни этическими рамками и в таком качестве соединена не только с физическим и временным, но и с метафизическим пространством. Поэт уверен, что в реальной жизни любовь вполне может быть долговечной, основываясь на суждениях: люблю женщину, потому что вижу ее красоту; в отношениях надо быть добрее, потому что это возвышает; жизнь быстротечна, поэтому нельзя его терять. Эти заключения сложно объяснить с помощью рациональной логики.

Итак, циклу «Amoretti» Э. Спенсера характерны черты метафизического текста. Это драматичность личной ситуации героя, напряжение чувств, построение текста как последовательного любовного сценария, метафоризация, единство влюбленных, аллегорическая образность, особая концепция времени, игра контрастов между «любовью возвышенной» и «любовью земной»; представление любви как чувства, соединяющего физическое и метафизическое пространство. Следовательно, вопрос о том, можно ли говорить о становлении метафизического стиля в Англии задолго до традиционно принятых рамок, является вполне обоснованным. А цикл «Amoretti» Э. Спенсера можно рассматривать как одно из произведений, которое вывело английскую литературу на новый уровень художественного совершенства и метафизической сущности.

Список литературы

1. Егорова Л. В. Английская Библия и становление стиля метафизической поэзии: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009. 43 с.
2. Иконникова Е. А. Типология метафизического в поэзии: на материале английской и русской литературы: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. 42 с.
3. Луценко Е. М. Становление метафизического стиля в английской поэзии последней четверти XVI века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 26 с.
4. Spenser E. Amoretti [Электронный ресурс]. URL: <http://theotherpages.org/poems/spenser1.html> (дата обращения: 23.10.2012).